



УДК 008
ББК 71

У ИСТОКОВ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОГО ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ (КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Петров Андрей Владимирович

Доктор философских наук,
профессор кафедры философии, биоэтики и права с курсом социологии медицины
Волгоградского государственного медицинского университета
vip@sprint-v.com.ru
Площадь Павших Борцов, 1, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация

Кибасова Галина Петровна

Доктор философских наук, профессор кафедры истории и культурологии
Волгоградского государственного медицинского университета
galina-kibasova@yandex.ru
Площадь Павших Борцов, 1, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена исследованию истоков отечественной правовой культуры, коренящимся в архаическом (обычном) праве и относящимся к дописьменному периоду нашей истории. Источниками его изучения частично являются летописи, а также мифология, представленная в памятниках фольклора. Работа выполнена в рамках междисциплинарного подхода с использованием исторических, культурологических, юридических, лингвистических данных в категориальном поле философии культуры.

Авторы исходят из того, что народная культура, с одной стороны, отражает менталитет народа, с другой – создает стандарты поведения, формируя фундамент правовой культуры. Анализ славянской мифологии и исторических источников показал интенсивность процесса правогенеза у восточных славян задолго до образования Киевской Руси. Авторы пришли к выводу, что источником культурной и юридической составляющих русского самосознания является мифосознание молодого восточнославянского этноса.

Ключевые слова: правовое сознание, права человека, восточные славяне, народная культура, правовая культура, славянская мифология, мифосознание.

«Права человека» уже более двух столетий являются предметом острейших не только политических, но и научных дискуссий. Как правило, под «правами человека» подразумевается их западноевропейская трактовка, берущая начало с римского права и наиболее четко сформулированная в эпоху Просвещения и Великих буржуазно-демократических революций XVIII века [8, с. 34–38]. В после-

дние три десятилетия актуализировалась данная проблема в политических спорах и научных исследованиях в нашей стране. Очевидно, что без всестороннего научного анализа российских традиций осмысления концепций прав человека чрезвычайно сложно не только сформулировать национальную идею России, но и развивать традиции патриотизма в современной России [7, с. 379–381].

Главная проблема заключается в том, что исследовать истоки древнерусского права (восточно-славянского права) традиционными методами юридических и исторических наук не представляется возможным из-за отсутствия прямых юридических документов, так как эти истоки относятся к дописьменному периоду, или к архаическому (обычному) праву. Самыми ранними письменными документами считаются договоры Киевской Руси с Византией 911 и 944 годов. Источниками изучения архаического права являются лишь частично материалы летописей, а в основном это мифология, представленная в памятниках фольклора: былины, пословицы, поговорки, сказки, песни. С другой стороны, лингвисты, этнографы, профессионально изучающие народный фольклор, не заостряют своего внимания на проблемах развития правовой культуры [3, с. 167–180]. Это является одной из причин выполнения нашей работы в категориальном поле философии культуры, которая позволяет через использование междисциплинарного комплексного подхода более полно рассмотреть интересующую нас проблему.

Культура любого народа закрепляет и хранит специфическое, своеобразное, целостное, характерное именно для этого сообщества. «Она концентрирует в себе нормы, стандарты, эталоны и правила деятельности, а также систему ценностей, выработанных в реальной истории данного этнического целого» [9, с. 95–101]. Большинство социокультурных феноменов проявляют себя на микро- (индивидуально-психологическом, онтогенетическом) и макро- (общейсторическом, филогенетическом) уровнях, философский подход дает возможность соединения этих двух уровней и установления связи между представлениями единичного человека, направляемого и принуждаемого культурой и теми представлениями, которые обнаруживаются в пределах всей социальной группы [13, с. 34].

Подчеркнем, что фольклор, с одной стороны, отражает менталитет народа, с другой – накладываясь на обычаи и обряды – создает стандарты поведения, формируя фундамент правовой культуры восточных славян, которая в свою очередь была гармонично переплетена с другими формами языческой культуры славян.

История развития славянских племен во многом остается вопросом достаточно дискуссионным. Большинство исследователей пришли к выводу о том, что за основу периодизации славянской истории можно взять следующие параметры: праславяне как общность существовали примерно с I тысячелетия до н. э. до I в. н. э., о чем свидетельствует и развитие праславянского языка. Славяне как самостоятельная языковая группа бытовали в центре Европы с I по VI в. нашей эры. Это время, когда славянские племена являлись непосредственными соседями Римской империи, занимая обширную территорию от Карпат до Эльбы. Разделение единой славянской общности на три ветви стало результатом Великого переселения народов первых веков нашей эры. Данные процессы в дальнейшем привели к формированию славянских народностей и возникновению славянских государственных объединений.

Однако вопрос-ответ древнего летописца «Откуда есть пошла земля русская» по-прежнему остается открытым в исторических научных дискуссиях. Этому способствуют не только сенсационные открытия в XX в. новых летописных источников («Велесова Книга», «Книга Бояна», реконструированная А. Асовым, «Книга Коляды» и др.), но и археологические открытия конца XX – начала XXI в. – город-храм Аркаим на Южном Урале, культовый комплекс на горе Нинчурт на Кольском полуострове.

Лингвистические исследования показывают, что славянская лексика VI в. уже содержала все основные понятия, относящиеся к суду и судопроизводству: суд, закон, право, правда и т. п. Она отражала также и систему представлений, связанных с правонарушением и наказанием [4, с. 226–229].

Многие исследователи (К.Г. Юнг, О.М. Фрейденберг, Б.А. Рыбаков и др.) отмечают схожие черты древнеегипетской, древнегреческой и славянской мифологии в первую очередь как раз в плане лингвистики. Суд египетского Озириса или греческого Зевса осуществлялся путем сравнения на чашах весов истины (например, в виде птичьего перышка), которую клали на правую чашу, и того, что должно быть «взвешено» (например, сердце человека), помещаемого на

левую чашу. Объяснение исследователей мифологии, почему именно правая чаша весов была «хорошей», а левая – «плохой», в основном сводилось к космогоническим представлениям древних о небе – обители богов и подземном мире – царстве мертвых и чудовищ. Если перевешивала левая чаша, то правая чаша и коромысло весов поднимались к небу, а левая, напротив, опускалась вниз.

Следовательно, символу весов, который считается символом предправа, соответствовал эмоционально насыщенный образ: «правый» – это небо, «левый» – это преисподняя. Противопоставление правый – левый лежит в основе древнего мифологизированного права славян (право, правда, справедливость, правильный и т. п.), гаданий, ритуалов, примет и отражено в персонифицированных образах Правды на небе и Кривды на земле.

Слово является таким же знаковым символом, как и рисунок. На основе опыта, который всегда зависит от времени и места, от культурно-исторической эпохи, появляются социально ориентированные практики, «объективно подогнанные к ситуации» и являющиеся «продуктом практического чувства» или здравого смысла [13, с. 38]. На самом деле древний восточно-славянский этнос обладал весьма развитой системой мифологического освоения мира, характеризующейся значительной предправовой составляющей.

Исследователь «Велесовой книги» (авторы не являются сторонниками подлинности данного документа и используют его как еще одну мифологему, укорененную в русском менталитете) академик Международной Славянской академии наук, образования, искусств и культуры Ю.К. Бегунов отмечает, что наши языческие предки делили мир на три основные субстанции: Явь, Навь и Правь. Явь – это видимый, материальный мир. Навь – мир нематериальный, потусторонний. Правь – это истина, или законы Сварога, управляющие всем миром и в первую очередь Явью. А.И. Асов считает, что следование Пути Прави было сутью древнеславянского вероисповедания и приводит известный мифологический сюжет о поединке Сварога с Черным Змеем, в результате которого Земля была поделена на царство Яви и царство Нави. Хранительницей же тайны Прави стала великая богиня – небесная

мать Мокошь. «Она следит за соблюдением обычаев и обрядов... дает свободу выбора между добром и злом, где добро – суть следование Пути Прави, а зло – отклонение от него» [2, с. 26].

Древнеславянская «Правь» – это правый, правильный, упорядоченный мир. Нетрудно заметить, но нельзя не изумиться, как глубокий первоначальный смысл древнего мифа, выкристаллизовавшегося из еще более древнего архетипа, сохранился спустя многие тысячелетия в современном русском языке: слова «правда», «правое дело», «справедливость», «правосудие», помимо конкретного значения, имеют интенсивную положительную эмоциональную окраску. Последнее можно сказать и об однокоренных словах, значение которых не всегда опосредуется сознанием: их смысл как бы предустановлен. «Справить» – означает отметить что-либо по правилу, по обычаю; «справиться» – одолеть противника за правое дело; «праведник» – человек, живущий по правде.

Таким образом, мы видим, что представления о праве, на основе представлений о добре и зле, зарождаются у славян в целом и у восточных славян в рамках мифологии, которая служила всем древним народам как опора нравственности и порядка, как моральная основа (предправо) и выполняла регулирующую и правообразующую функцию в жизни рода и племени. Славянские боги Род, Сварог, Дажьбог, Макошь, Велес, Перун, Хорс и т. д., героические предки князя Рус, Словен, Кий, Гостомысл и былинные богатыри Святогор, Илья Муромец были для славян живыми и играли роль идеальных образцов, а приобщение к сложившейся культуре совершалось через всестороннее подражание этим идеальным прототипам. Э.В. Ильенков отмечал, что усваиваемые нормы жизнедеятельности осознавались и воспринимались как божественные заповеди, заветы предков, имеющие силу непререкаемой традиции, силу высшего закона.

Другой мифологический сюжет преступления и наказания, перешедший и в русский былинный эпос, связан с нарушением обычая гостеприимства. Луна-Девана (колдунья, обернувшаяся девицей) приглашает Семаргла Сварожича (Илью Муромца) погостить в

ее тереме, а затем пытается уложить гостя на кровать, под которой находится провал из Яви в Навь (темный погреб со змеями), но герои раскрывают обман и наказывают зло. Известно, что у восточных славян гостеприимство считалось моральной обязанностью, а нарушение правил гостеприимства подвергалось мести, когда каждый получал право поджечь дом виновного. Продолжение этого сюжета мы встречаем уже в былинах «киевского цикла»: «Илья Муромец в ссоре с Владимиром». В этой былине Илья Муромец, обидевшись на князя Владимира, устраивает в Киеве погром:

«...Выходил Илья он да на Киев-град
И по граду Киеву стал он похаживать
И на матушки божьи церкви погуливать.
На церквах-то он кресты все да повывломал,
Маковки он золочены все повывстрелял.
Да кричал Илья он во всю голову,
Во всю голову кричал он громким голосом:
– Ай же пьяницы вы, голюшки кабацкии!
Да и выходите с кабаков, домов питейных,
И обирайте-тко вы маковки да золочены,
То несите в кабаки, в дома питейные,
Да вы пейте-тко да вина досыта...»

Пришлось князю посылать гонцом к Илье Муромцу другого былинного богатыря Добрыню и мириться с ним и усаживать на самое почетное место. Очевидно, что для авторов этой былины авторитет богатыря выше авторитета князя, а ирония, пронизывающая весь текст, явно является предтечей знаменитого эзоповского языка классической русской литературы, выросшей из народной культуры.

Забегая несколько вперед, отметим еще одну черту, характеризующую особенности славянского язычества в период Киевской Руси – «княжечье» язычество. С вокняжением в Киеве Владимира – будущего «крестителя» Руси – образуется настоящий древнерусский Олимп – пантеон языческих богов. «Я нача княжети Володимир в Киеве един, – сообщает Повесть временных лет под 980 г., – и постави кумиры на холму вне двора теремного: Перуна древяна, а главу его сребряну, а ус – злат, и Хьерса, Дажьдбога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь».

«Княжое» язычество так открыто проявлялось на протяжении веков после «креще-

ния», поскольку имело сильную языческую традицию, восходящую к первым русским князьям, известным нам по летописям. Традиция эта коренилась не в каком-то особенном, изобретенном только князьями или для князей и знати «аристократическом язычестве», переживавшем со второй половины XII в. некое «возрождение», а в тех же присущих всем социальным слоям Древней Руси верованиях и обрядах. И это понятно, ибо князь выступал не в качестве антагониста общинников, а как необходимый для нормальной жизнедеятельности общины элемент. Многими социальными, общественно полезными нитями он был связан с общиной, но и она без него как руководителя, прежде всего военной, административной и судебной сфер, существовать не могла. Отсутствие князя в той или иной волости воспринималось как аномальное явление.

Подчеркнем, что еще одним и очень важным свидетельством высокого уровня развития обычного права у славян является вече́вая форма управления. Большинство исследователей сходятся во мнении, что история вече уходит своими корнями в глубокую древность. Историки здесь опираются как на свидетельство, относящееся к VI в., Прокопия Кесарийского: «Эти племена, славяне и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве, и потому у них счастье и несчастье в жизни считается общим делом». Отметим устойчивость этих демократических вече́вых традиций, которые пережили период Киевской Руси, в большинстве княжеств возродились в период феодальной раздробленности, а в Псковской и Новгородской республиках просуществовали до XVI века.

Приведенный нами краткий анализ славянской мифологии и исторических источников свидетельствует об интенсивности процесса правогенеза у восточных славян задолго до образования Киевской Руси. Отметим также, что правогенез ускорялся и усложнялся, над древнейшим фундаментом образовывались новые «этажи» правовой ментальности этноса по мере расселения по обширным территориям восточной Европы, в процессе интенсивных контактов с другими этносами и государствами, со-

здающих свои государственно-племенные союзы.

В исторической науке продолжают дискуссии о процессе становления и развития восточно-славянской государственности. Этот вопрос имеет для нас особое значение, так как только с образованием государства можно говорить о зарождении правовых систем, о появлении княжеского и христианского права. С одной стороны, есть сведения, хотя и очень отрывочные, о государственных объединениях отдельных восточно-славянских племен, таких как Славия (объединение кривичей и ильменских словен). С другой стороны, норманнская теория происхождения первого восточно-славянского государства остается наиболее распространенной, но по-прежнему более чем спорной, напоминающей скорее мифологический сюжет, чем рассказ о реальных событиях.

Первые документы письменного права периода Киевской Руси показывают нам влияние обычного права (предправа) на формирование древнерусского права. Речь идет об уже упоминавшихся договорах с Византией 911 и 944 годов. Мы укажем только на одну важную черту этих договоров, а именно, ссылку в них на Закон Русский: «Аще ли ударить мечем или бьеть кацем либо сосудом, за то ударение или бьенье да вдасть литр 5 сребра – по Закону Русскому». После долгих дискуссий в среде историков большинство пришло к выводу о том, что речь идет о собирательном названии обычного права восточных славян. Например, В.Я. Петрухин, известный как последовательный сторонник скандинавского происхождения самого термина «русь», вынужден признать наличие в лексике легенды о призвании варягов и договора руси (то есть княжеской норманнской дружины в трактовке этого автора) с греками «значительного пласта славянской правовой терминологии, имеющей истоки в обычном праве: “правда”, “володеть и судить по праву”, “наряд”, “творить ряд” и т. д.» [10, с. 123].

Сам факт существования общего названия «Закон Русский» подразумевает своего рода устную кодификацию норм обычного права восточных славян и, соответственно, высокий уровень развития этноправовой культуры. Во всяком случае, именно нормы Зако-

на Русского были положены в основу Русской Правды, в особенности ее древнейшей части – Правды Ярослава. М.Б. Свердлов, сопоставив текст русско-византийских договоров и «архаичных» норм Русской Правды с более древними германскими «варварскими правдами», реконструировал содержание тех норм Закона Русского, которые были воспроизведены в Русской Правде [12, с. 69–70].

Причем по своему характеру это нормы уголовного и уголовно-процессуального права, многим из которых, с поправкой на уровень юридической техники, можно найти аналог в действующих УК и УПК. Очевидно, что такой «совершенный по содержанию судебник», как Русская Правда, не мог возникнуть на пустом месте. На это обращали внимание еще дореволюционные ученые. Так, Н. Ланге видел главное достоинство Русской Правды в том, что в ней отражалось осознание народом правды и справедливости. «Если Правда была бы только беспорядочным сборником законов без всяких общих начал, – писал он, – то она не могла бы служить основанием к дальнейшему развитию нашего права».

Русская Правда замыкает огромный исторический период правогенеза восточно-славянского этноса, давшего жизнь русскому, украинскому и белорусскому народам. Обилие юридических, исторических, лингвистических исследований и комментариев, посвященных Русской Правде, подтверждает ее значимость как нормативного акта, исторического памятника и культурной ценности. Не случайно, наверное, П.И. Пестель назвал свой проект устройства России после свержения самодержавия «Русской Правдой».

Закон Русский, уставы и судные грамоты – это уже писаное древнерусское право, вершиной которого и стала «Русская Правда». Русская Правда, представляющая, по выражению А.Е. Преснякова, «сложную компиляцию разновременных и разнохарактерных наслоений архаического обычного, городского и княжеского права», являлась, безусловно, основным правовым памятником Древней Руси, и ее значение далеко не исчерпывается собственно юридическим содержанием.

Насколько хорошо удовлетворяла Русская Правда потребностям правового регули-

рования общественных отношений, свидетельствует тот факт, что только в 1497 г. в Московском государстве был издан Судебник, который заменил Пространную редакцию Русской Правды в качестве основного источника светского писаного права.

В период Киевской Руси была заложена и еще одна традиция, которая наложила свой отпечаток на правосознание русского народа. Речь идет о возникновении наряду со светским княжеским правом права христианского, которое выполняло функции идеологического базиса нового государства, государства уже не языческого, а христианского. Традиция эта была заложена первым русским митрополитом Илларионом, возведенным в этот сан отцом «Русской правды» Ярославом Мудрым в 1051 году.

Выделим две важнейшие идеи Иллариона, имеющие непосредственное отношение к теме нашего исследования. Во-первых, это идея верховенства благодати над законом, верховенство «Нового завета» над «Ветхим заветом». Более того, «Ветхий завет» или закон ассоциируется с рабством, а благодать – со свободой и процветанием. Закон сопоставляется с тенью, светом луны, ночным холодом, благодать – с солнечным сиянием, теплотой. Но именно в Ветхом завете отражены нравственные заповеди поведения человека, знаменитые 10 заповедей.

Во-вторых, Илларион настойчиво выдвигает вселенский, универсальный характер христианства Нового завета («благодати») сравнительно с национальной ограниченностью Ветхого завета («закона»). Особенное значение в этом противопоставлении Нового завета Ветхому Илларион придает моменту национальному. Ветхий завет имел временное и ограниченное значение. Новый же завет вводит всех людей в вечность. Ветхий завет был замкнут в еврейском народе, а Новый имеет всемирное распространение. Всемирная история представляется Иллариону как постепенное распространение христианства на все народы мира, в том числе и на русский. Излагая эту идею, Илларион прибегает к многочисленным параллелям из Библии и упорно подчеркивает, что для новой веры потребны новые люди. «Лепо бо бе благодати и истине на новыя люди въсиати, не въливають бо – по

словеси Господню – вина новааго, учения благодатьна, в мехы ветхы... но ново учение, новы мехы, новы языки (народы)». Конечно, в первую очередь здесь речь идет о русском народе: «...вера бо благодатьнаа по всей земли прострися и до нашего языка рускааго доиде...»; «Се бо уже и мы с всеми христианами славим святую Троицу». Русь равноправна со всеми странами и не нуждается ни в чьей опеке: «вся страны благый Бог наш помилова, и нас не презре, въсхоте и спасе ны и в разум истинный приведе». Первый русский митрополит выражает веру в великую миссию русского народа, равного среди других народов.

Таким образом, общий источник двух ветвей русского правосознания – культуральной и юридической – один, это мифосознание молодого восточно-славянского этноса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авенариус, В. П. Книга былин / В. П. Авенариус. – М. : Издатель А. Вяткин, 2006. – 576 с.
2. Асов, А. И. Златая цепь. Мифы и легенды древних славян / А. И. Асов. – М. : Наука и религия, 1998. – 454 с.
3. Галкова, О. В. Международные документы о сохранении и защите нематериального культурного наследия / О. В. Галкова // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2010. – № 4. – С. 167–180.
4. Иванов, В. В. О языке древнего славянского права / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Славянское языкознание : VIII Междунар. съезд славистов : Докл. сов. делегации. – М., 1978. – С. 226–229.
5. Изборник. – М. : Худож. лит., 1969. – 800 с.
6. Камчатнов, А. М. Хрестоматия по истории русского литературного языка. Памятники X – XIV веков по рукописям X – XVII веков / А. М. Камчатнов. – М., 2009. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: www.bsu.ru/content/hecadem (дата обращения: 17.07.2013). – Загл. с экрана.
7. Кобылкин, Р. А. Формирование исторического сознания как основа воспитания патриотизма / Р. А. Кобылкин, С. И. Краюшкин, Л. М. Медведева // Историческое образование в современном мире : материалы Российской научной конференции. – Волгоград : Принт, 2009. – С. 379–381.
8. Петрова, И. А. Особенности цивилизационного развития России в этническом времени : автореф. дис. ... д-ра филос. наук / И. А. Петрова. – Волгоград, 2000. – С. 34–38.
9. Петрова, И. А. Этническое и социальное в Российской истории / И. А. Петрова, Г. П. Кибасова

// Философия социальных коммуникаций. – 2006. – № 1. – С. 95–101.

10. Петрухин, В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков / В. Я. Петрухин. – М. : Гнозис, 1995. – 123 с.

11. Русские былины. – М. : ПанПресс, 2007. – 626 с.

12. Свердлов, М. Б. От Закона Русского к Русской Правде / М. Б. Свердлов. – М. : Юридическая литература, 1988. – 178 с.

13. Черемушникова, И. К. Имидж в смысловом пространстве культуры : дис. ... д-ра филос. наук / Ирина Кабдрахимовна Черемушникова. – Волгоград, 2011. – 48 с.

REFERENCES

1. Avenarius V.P. *Kniga bylin* [The Book of Folk Tales]. Moscow, Izdatel A. Vyatkin, 2006. 576 p.

2. Asov A.I. *Zlataya tsep. Mify i legendy drevnikh slavyan* [Golden Chain. Myths and Legends by Ancient Slavs]. Moscow, Nauka i Religiya Publ., 1998. 454 p.

3. Galkova O.V. *Mezhdunarodnye dokumenty o sokhraneni i zashchite nematerialnogo kulturnogo naslediya* [International Documents on Preservation and Protection of Nonmaterial Cultural Legacy]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii*, 2010, no. 4, pp. 167-180.

4. Ivanov V.V., Toporov V.N. *O yazyke drevnego slavyanskogo prava* [On the Language of Ancient Slavonic Law]. *Slavyanskoe yazykoznanie: VIII Mezhdunar. syezd slavistov: Dokl. sov. delegatsii* [Slavonic Linguistics: 8th International Congress of Slavists. Delegates' Reports]. Moscow, 1978, pp. 226-229.

5. *Izbornik* [Anthology]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1969. 800 p.

6. Kamchatnov A.M. *Khrestomatiya po istorii russkogo literaturnogo yazyka. Pamyatniki X-XIV vekov po rukopisyam X-XVII vekov* [Anthology on History of Russian Literary Language. Artifacts of 10-14th Centuries on the Basis of Manuscripts of 10-17th Centuries]. Moscow, 2009. Available at: www.bsu.ru/content/hecadem (accessed July 17, 2013).

7. Kobylkin R.A., Krayushkin S.I., Medvedeva L.M. *Formirovanie istoricheskogo soznaniya kak osnova vospitaniya patriotizma* [Formation of Historical Conciousness as the Basis of Patriotism Education]. *Istoricheskoe obrazovanie v sovremennom mire: materialy Rossiyskoy nauchnoy konferentsii* [Historical Education in Modern World: Proceedings of Russian Scientific Conference]. Volgograd, 2009, pp. 379-381.

8. Petrova I.A. *Osobennosti tsivilizatsionnogo razvitiya Rossii v etnicheskom vremeni: avtoref. ... d-ra filos. nauk* [The Features of Civilized Development of Russia in Ethnic Time: Dr. philos. sci. abs. diss.]. Volgograd, Print Publ, 2000, pp.34-38.

9. Petrova I.A., Kibasova G.P. *Etnicheskoe i sotsialnoe v Rossiyskoy istorii* [The Ethnic and the Social in Russian History]. *Filosofiya sotsialnykh kommunikatsiy*, 2006, no. 1, pp. 95-101.

10. Petrukhin V.Ya. *Nachalo etnokulturnoy istorii Rusi IX–XI vekov* [The Beginning of Ethnic and Cultural History of Rus of 9-11th Centuries]. Moscow, Gnozis Publ., 1995. 123 p.

11. *Russkie byliny* [Russian Folk Tales]. Moscow, PanPress Publ., 2007. 626 p.

12. Sverdlov M.B. *Ot Zakona Russkogo k Russkoy Pravde* [From Russian Law to Russian Justice]. Moscow, ... Publ., 1988, pp. 69–70.

13. Cheremushnikova Irina Kabdrakhimovna. *Imidzh v smyslovom prostranstve kultury. Dis. d-ra filos. nauk* [Image in Semantic Space of Culture. Dr. philos. sci. diss.]. Volgograd, 2011. 48 p.

**AT THE ORIGINS OF THE FORMATION
OF RUSSIAN LEGAL CONSCIOUSNESS
(CULTUROLOGICAL ASPECT)**

Petrov Andrey Vladimirovich

Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Department of Philosophy, Bioethics and Law with Course of Medical Sociology,
Volgograd State Medical University
vip@sprint-v.com.ru
Ploshchad Pavshikh Bortsov, 1, 400131 Volgograd, Russian Federation

Kibasova Galina Petrovna

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of History and Culturology,
Volgograd State Medical University
galina-kibasova@yandex.ru
Ploshchad Pavshikh Bortsov, 1, 400131 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the study of the origins of Russian legal culture which come from archaic (common) law and relate to pre-written period of our history. The problem of human rights in contemporary Russia is extremely urgent. According to the authors, without a thorough scientific analysis of the Russian traditions of justice, it is difficult to formulate the national idea and develop the traditions of patriotism in modern Russia. The source of this study is partially represented by chronicles and mostly by mythology of folklore monuments: folk tales, proverbs, tales and songs. This work was carried out by means of multidisciplinary approach and using historical, culturological, legal, linguistic data in the categorical field of cultural philosophy.

According to the authors, folklife culture reflects the mentality of people, on the one hand, and on the other hand, creates the standards of behavior, thus forming the foundation of legal culture. The analysis of Slavic mythology and historical sources revealed the intensity of law genesis process of the eastern Slavs long before the formation of Kievan Rus. The authors concluded that the source of cultural and legal components of Russian identity is represented by myth consciousness of young East Slavic ethnic group.

Key words: legal consciousness, human rights, East Slavs, folklife culture, legal culture, Slavic mythology, myth consciousness.